Беседа с Пушкиным в кафе «у Бирона»

Боль уходила. Почти двое суток она терзала его словно яростный зверь и вдруг стала затихать. И вот её нет. Неужели всё кончено? Он открыл глаза и увидел себя на диване, на который его уложил после ранения Никита.

— Да, это тот самый диван. Но почему он одет? Рубашка, сюртук, панталоны, штиблеты. Когда его одели? Или он сам оделся? Он оглядел книжные полки, привычную мебель — всё как всегда, всё на месте. Владимир Иванович говорил, что пуля застряла в позвоночнике, и потому любые попытки пошевелить ногами причиняли страшную боль. Пошевелил одной, другой ногой, странно, но боли не было. А что, если попробовать встать. Спустил ноги на пол, встал, прошёлся по кабинету. Тронул дверь в детскую — закрыто. Нажал на дверь в переднюю, приоткрыл и тут же закрыл её.

— Что такое? Что это за люди в странных одеждах ходят по его квартире — мужчины, женщины, дети? Вид из окна говорил о том, что на дворе лето, а ведь его привезли зимой, и Мойка была покрыта льдом, и метель завывала за окном. Снова открыл дверь и … увидел себя. Конечно, это был не он, но кто-то был одет как он и загримирован так, что со стороны было не отличить от него. Рядом с его двойником стояли какие-то люди. Они явно кому-то позировали. Огляделся и увидел молодого человека, державшего в руках небольшой предмет, попеременно испускающий лёгкие вспышки.

Попытался спуститься вниз — на улицу по парадной лестнице, но его взгляд упал на табличку, надпись на которой сообщала, что парадная закрыта. Тогда он влился в небольшую группу посетителей, которая двигалась в сторону чёрного входа. Несмотря на то, что он был одет не как все, на него почти не обращали внимания, а те, кто шли навстречу приветливо кивали ему и улыбались. Он миновал помещения цокольного этажа, в которых не было привычного запаха прачечной и кухни. Вышел во двор — действительно лето. Во дворе чисто, в центре — стриженые кусты и памятник на высоком постаменте белого камня. У подножия памятника — цветы, много цветов. Подошёл ближе.

— Так это мне памятник! Вот и надпись — «Пушкин», а чуть ниже — 1950 год.

— Что же это такое? Мне 150 лет? Но это, скорее всего, — время установки памятника, а какой сегодня год на дворе?

По мощёному булыжником двору обошёл памятник справа и увидел каретные дворы. На воротах одного из них — надпись крупными буквами — «Кафе». Подошёл ближе, чуть ниже более мелкими буквами — «У Бирона». В прошлом году, когда в сентябре снимали квартиру в доме Волконских, кто-то говорил, что впервые

на месте этого дома ещё в прошлом веке поселился Бирон. Неожиданно почувствовал голод.

— Так я же двое суток ничего не ел, только воду пил.

Открыл дверь, в кафе — пусто, и лишь за одним столиком слева — в самом углу напротив стойки — одинокий посетитель. Оглядел помещение: стены, потолок, столики, стулья — всё в белых тонах, на стенах справа и слева — литографии, освещение — светильники без свечей…

Быстрыми шагами прошёл к столику. Сидящий за столиком оказался пожилым мужчиной со щёткой седых волос и странно знакомыми серыми глазами. Он поднялся ему навстречу с приветливой улыбкой, как будто давно его ждал. За стойкой появилась официантка.

— Ну, вот и дождались наконец-то своего товарища, — произнесла она с улыбкой.

На столике — два блюда с яичницей, отдельно на тарелке — хлеб, приборы, два стакана то ли компота, то ли сока и две чашки кофе.

— Здравствуйте, молодой человек, — новый посетитель присаживается за столик.

— Но я, кажется намного старше Вас, — отвечает хозяин.

— Ну что Вы! Мне, даже судя по году установки памятника, — минимум лет 150. Кстати, а какой сегодня год по календарю?

— Сегодня с утра был — 2015-й.

— Ну, тогда мне более двухсот лет, не меньше. Это всё мне?

— Да, конечно, я давно жду вас, но… это так неожиданно.

— Вы ждали именно меня?

— Да он уже который раз приходит и каждый раз заказывает одно и то же — на двоих. Съедает свою порцию и уходит, — встревает в разговор женщина за стойкой.

— Кому вторая-то порция, спрашиваю его? А он — товарищу. Покушает, посидит, помолчит и уходит.

Всё это она выпаливает скороговоркой, а в глазах её скачут веселые искорки, которые будто говорят о том, что она участвует в каком-то розыгрыше.

— Ну конечно, меня разыгрывают, — размышляет Седой, — не иначе как Жора решил устроить эту сцену с аниматором? Ведь я ему рассказывал о своей шутке с ужином на двоих. Да и официантка после второго моего прихода всё выспрашивала, кого я жду. А я тогда и ответил ей в шутку — Пушкина. Но ведь это было ещё прошлой зимой. Нет, есть что-то необычное в этом посетителе, и говорит он с какими-то странными интонациями. Но и на аниматора, которые здесь крутятся, чтобы заработать на фото для туристов, не очень-то похож. А ну как, здесь действительно появился бы сам Пушкин, узнали бы его посетители музея-квартиры, или приняли за очередного аниматора, как я сейчас? И откуда он появился? Если из своей квартиры, то там, ведь полно

туристов, служащие музея, охрана. Похоже, что в своём желании поговорить с поэтом я зашёл слишком далеко. Ну, конечно, это розыгрыш, а я принимаю аниматора за настоящего Пушкина.

Все эти мысли пролетели в голове в одно мгновение, но где-то в уголке сознания всё-таки таилась надежда на чудо.

— А вдруг настоящий… Но ведь оттуда ещё никто не возвращался? И если это он, то, как у него получилось вернуться в наше время?

Между тем посетитель ел яичницу и весело поглядывал на соседа.

— Так о многом хотел его расспросить и вот ничего стоящего даже вспомнить не могу. Нет, конечно — это не настоящий Пушкин. Хотя вот и бакенбарды, и причёска, и одежда — всё вроде настоящее. Ладно, сейчас он поест, начнём говорить, и всё сразу прояснится.

— А мне ваше лицо знакомо, — вдруг заговорил аниматор. Точно мы где-то встречались.

— Вряд ли, может просто лицо обычное. А Вы очень похожи на оригинал. Хотя я видел его только на портретах.

— Понимаю, Вы не верите, что перед вами настоящий Пушкин. Да, честно говоря, я и сам не верю тому, что вижу. Был конец января 1837 года, была дуэль с Дантесом, пуля угодила мне прямо в брюхо и, как потом сказал Владимир Иванович, — застряла в позвоночнике. Точно помню, что я выстрелил и попал прямо в сердце этому бонвивану, но он почему-то упал на спину, а не ничком как я. Почти двое суток страшных мучений и ожидание конца, а потом вдруг боль ушла, и я очнулся летом 2015 года. Вышел из кабинета, смотрю, какие-то люди незнакомые ходят по моей квартире, а с ними один, одет как я, и загримированный под меня, — очень похож. Его окружают мужчины, женщины, дети, а напротив этой группы один со странным предметом, который озаряется короткими вспышками. Я вышел во двор через черный ход, никто не обратил на меня внимания. Вышел, вижу памятник — рукотворный, на постаменте — снова я, на этот раз — в бронзе. Увидел кафе и вот зашёл.

— Такой же, как Вы? Так Вы не один? Ваша квартира давно превращена в музей, а люди, которые на вас не обращали внимания — посетители музея.

Седой достал айфон, раздался лёгкий щелчок, и лица сидящих озарила короткая вспышка.

— Странный предмет был похож на этот?

— Да, а что он делает?

Седой повернул экран к Пушкину и показал ему фото поэта.

— Эти аниматоры гримируются под вас и фотографируются с посетителями музея — так зарабатывают себе на жизнь. Извините, что сфотографировал без разрешения, хотя… всё равно мне никто не поверит.

— А кто такие аниматоры?

— Ряженые. Их подбирают психологи, гримируют, одевают согласно эпохе, и рекомендуют хозяевам заведения для привлечения туристов. Ведь многим будет интересно показать фото с самым знаменитым русским поэтом. Особенно этим любят заниматься туристы с Запада. Выйдите на Дворцовую площадь, поезжайте в Павловск или в Петергоф — там много таких ряженых — и мужчин, и женщин. А уж здесь, в вашей бывшей квартире особенно много туристов из стран Запада. Они до сих пор не могут понять, почему Пушкин так популярен в России.

— А я действительно популярен в России?

— Больше чем. Вы же — наше всё: для одних это истина, для других — насмешка. Почти в каждом городе Вам стоит памятник. Да и в мире памятники Вам во многих странах. Даже в странах Африки.

Седой говорил и при этом внимательно следил за глазами соседа за столиком. Он давно усвоил, что глаза — зеркало души: человек умеет лгать языком, но не умеет лгать глазами. Этот гость — точно не лгал. Однако слушая его вопросы, он проверял: а как бы аниматор, играющий роль Пушкина, отреагировал на эту информацию? И с сожалением отмечал, что пока не может однозначно определить, кто перед ним: ряженый или сам Пушкин.

— Если всё это игра, — размышлял он, — то надо сыграть так, чтобы сомнений не оставалось. А как? Конечно, есть искусство постижения истины путём постановки наводящих вопросов, которое демонстрировал Сократ своим ученикам и за которое поплатился жизнью. Мои современники (и то не все) знают об этом из энциклопедий, например — из Большой Советской. А настоящий Пушкин? Он знал о диалектике? Он ведь, в отличие от нас, владел древнегреческим в совершенстве и читал древних греков в подлиннике. Но оказывается, самое трудное в этом искусстве — сформулировать адекватный ситуации вопрос.

— А кто сейчас в России «ваше величество»? По-прежнему Романовы? — спросил гость из прошлого.

— «Ваше величество» почти сто лет сидит не в Петербурге, а в Москве, а последний Романов столетие назад, то ли сам отрёкся от звания «ваше величество», то ли его заставили это сделать ближайшие родственники и друзья. Ну, Вы же знаете, что у нас в России царей всегда свергали свои, а народ втягивали в эти разборки между своими. Так же в 1917 году убирали последнего царя. Год спустя его самого и всю его семью — расстреляли.

— И кто же это сделал, новые декабристы? Они ещё в декабре 1825 года собирались всех Романовых под корень вырезать, но Николай Павлович тогда не сплоховал, — поставил их на место. Сильный был царь, несмотря на его молодость. Его кумиром был Пётр I.

— Можно сказать, что и так. В начале XX века Россию втянули в большую — мировую войну, а роль «вашего величества» тогда исполнял правнук Николая Павловича — Николай II. Он принял на себя верховное командование армией, но «новым декабристам» он не нравился, и они настояли на его отречении от престола, после чего власть в империи захватило временное правительство, которое посадило царя под арест. После падения монархии война продолжалась, сначала армия, а потом и Россия — стали разваливаться, и судьбу империи решили в октябре того же года — большевики.

— А это кто такие?

— Ну, те, кто всегда выражал интересы трудящегося большинства населения империи.

— То есть в России начался бунт вроде Пугачёвского? А кто в роли Пугачёва?

— Ленин, он прибыл из Швейцарии через Германию, которая была главным противником России в той войне вместе с Австро-Венгрией и Турцией.

— А союзники? Уж не Франция ли была союзником?

— Франция и Англия, потом к ним присоединились Соединённые Штаты.

— С такими союзниками России и врагов не надо.

— Всё верно, Александр Сергеевич, союзники после революции выступили против большевиков на стороне Временного правительства и попытались под шумок гражданской войны откусить от России Дальний Восток и Север.

— Гражданская война после революции, как во Франции? А кто там с кем воевал?

— Страна к началу XX века оставалась крестьянской, но в городах развивалась промышленность и часть крестьян уходила в города на фабрики и заводы.

— А что крестьян освободили?

— Да, ещё в 1861 году при сыне Николая Павловича — Александре II отменили крепостное право, но крестьян обязали выкупить у помещиков землю. То есть земля-то у них появилась, а вот инвентаря, лошадей для обработки земли, на всех не хватало. Началось расслоение крестьян на бедных и богатых. В городах появились собственники заводов, фабрик — буржуи. И вот рабочие в городах, а потом — крестьяне в деревнях, солдаты, возвращавшиеся с войны, поддержали революцию против своих бывших господ, собственников — дворян, буржуев, богатых крестьян. А кто ж просто так отдаёт власть? — Вот и началась гражданская война: на одной стороне — белые (офицеры и верные им войска) хотели вернуть царя и буржуев, а на другой — красные: рабочие, крестьяне и примкнувшие к ним солдаты,

воевали за новую власть. Красные создали свою армию и победили в гражданской войне белых, часть которых бежала на Запад, в Европу, а часть осталась помогать строить новую Россию, которая получила название — Советской.

— Откуда такое название? Кто там кому и что советовал?

— Рабочие, крестьяне, солдаты объединялись в городах и деревнях в общины, с помощью которых управляли страной после революции. Эти общины получили название Советов. Революцию большевики делали вместе с меньшевиками, а у тех был свой Пугачёв — Троцкий. Это кличка такая, а настоящая фамилия его — Бронштейн. Он, как и Ленин, прибыл из-за границы, только тот из Европы, а этот — из Америки.

— Еврей что ли?

— Да, эти ребята во время революции и гражданской войны сильно преуспели. Новой власти нужны были грамотные специалисты, а крестьяне в большинстве своём оставались неграмотными. Евреи же, хотя и жили в черте оседлости, усердно учились грамоте и потому оказались востребованы новой властью. Этому сильно способствовал их вождь — Троцкий. Армия, карательные органы, правительство, культурные учреждения, система образования — они везде оказались к месту. Постепенно о них в обществе складывалось мнение, что они востребованы потому, что самые умные и талантливые. Они даже выдвинули лозунг «Сбросим Пушкина с корабля современности!».

— Чем же так не угодили им мои стихи, книги?

— Как чем? Они полагали, что они — самые гонимые в России, и революция делалась прежде всего для их освобождения. Эту мысль внушали всему обществу в то время их вожди, и потому даже слово «еврей» или «жид» считались тогда ругательными. За эти слова можно было угодить и под расстрел. А у вас? — «Ко мне постучался презренный еврей» — это Ваша «Чёрная шаль»; «Да я тебя жидовская душа на воротах повешу», а это — «Скупой рыцарь»; «Гляжу и в мерзостной игре жида с лягушкою венчают» — это «Гусар». По революционным временам всё это воспринималось ими как проявление антисемитизма.

— А кто такие антисемиты?

— Если кратко, то официально-энциклопедически это те, кто не любит евреев, а реально это те, кого не любят евреи — такой вот каламбур получается…

— Но ведь семиты — это арабы. Не пойму, причём тут евреи?

— Этого до сих пор никто не понимает. Но к концу гражданской войны — в 1922 году большевики вместе с троцкистами наконец собрали распадавшуюся Россию и назвали её — Советский Союз. Новое правительство в 1918 оставило

Петербург и спешно переехало в Москву. В 1924 году умер Ленин — глава нового правительства. На его место претендовал Троцкий, но большевики предпочли ему Сталина, который и стал новым вождём большевиков. Он выслал Троцкого из страны и почистил армию и правительство от его сторонников, но, к сожалению, — не до конца. После войны в 1953 году троцкисты совершили государственный переворот, убрали Сталина и открыли дорогу во власть либералам. Переворот был вялотекущий, длился 40 лет, а в 1991 году либералы вместе с троцкистами развалили Советский Союз, национальные «элиты» окраин России спешно стали создавать свои независимые государства, народы которых никогда ранее государственности не имели. Россия стала называться Российской Федерацией, численность населения её сократилась и стала чуть меньше населения империи перед первой мировой войной.

— А велико ли было в начале XX века население империи?

— Почти на сто миллионов больше, чем в ваши времена.

— А сегодня — в начале XXI века?

— Немного меньше — около 150 миллионов.

— А Романовы не пытались вернуть себе власть в России?

— У нас сегодня есть все: либералы, троцкисты, большевики и даже монархисты. Они хотят по примеру Великобритании вернуть дальних родственников Романовых в Россию и посадить их на шею народа. Только вряд ли народ согласится на это: у нас паразитов и без них хватает

— Значит, я не ошибся, когда отвёл Романовым 300 лет правления Россией? — задумчиво произнёс гость из прошлого.

— А вот этого аниматор не мог знать. Об этом знаю только я и Пушкин, если конечно это не мои фантазии. Так что же получается — передо мной действительно Пушкин? — размышлял седой.

— А почему только 300 лет?

— По аналогии с Птолемеями в Египте — их династия просуществовала три века.

— И в чём суть аналогии?

— После развала империи Александра Македонского Птолемей Сотер оставил себе Египет и решил основать династию Птолемеев. Но в Древнем Египте династии фараонов опирались на инцест — браки меж близкими родственниками. Птолемей предложил своим сыновьям и дочери заключить такой брак. Старший, кажется Керавн, наотрез отказался, а младший согласился и остался в истории под именем Филадельф, что в переводе с греческого — любящий сестру. Его сестра Арсиноя сначала взбрыкнула и бежала из Египта во Фракию к Лисимаху — одному из сподвижников Александра Македонского, но после его гибели сначала вышла замуж за своего брата Керавна, царя Македонии,

но потом после убийства Керавном её малолетних детей от Лисимаха, бежала в Александрию к брату, став его женой. И хотя египтяне признали Птолемеев в качестве династии фараонов, но, как и дворяне России, греки не знали и не понимали языка своих поданных. Во времена Александра и его брата Николая в империи, в дворянской среде в России в моде был французский. Даже в моей семье в основном говорили по-французски, а по-русски я по настоящему заговорил в деревне Захарово, куда меня отправили к бабушке — Марии Алексеевне. А какой язык ныне в моде у тех, кто правит Россией?

— После первой мировой, революции и гражданской войны в моде был немецкий, а после второй мировой и до настоящих времён — английский.

— А с кем русские воевали в XX веке?

— С немцами.

— Значит, России предстоит воевать с англичанами?

— Нет, хитрые саксы вряд ли решатся на войну с Россией, а вот американцы — эти могут кого-то подтолкнуть к такой войне.

— Неужели немцев?

— Нет, немцы теперь не вояки, их в 1945-м здорово проучили. К тому же они уже 70 лет платят контрибуцию Израилю.

— А это что за государство такое?

— В ваши времена слово «Израиль» было некой двусмысленностью. С одной стороны — самоназвание еврейской диаспоры, а с другой — выражение притязаний Русской православной церкви на то, что она — «Новый Израиль». Естественно у многих в связи с этим возникает вопрос: «Как можно платить контрибуцию тем, кто рассеян по всему миру?».

— Да, тема рассеяния евреев меня очень интересовала, и я даже подкинул исследователям моего творчества один казус, на который они не обратили внимания. Интересно, а их потомки — более любопытны?

— Если Вы имеете в виду стихи, посвященные Клеопатре, то да, внимание обратили.

— На что, если не секрет?

— Да уж, какой тут секрет? В стихах, написанных в 1823 году, есть слова «И первый Архелай, клеврет Помпея смелый», а одиннадцать лет спустя в «Египетских ночах» Вы Помпея поменяли на Флавиев «И первый Флавий воин смелый». Если не знать истории древнего Рима, то на эту подмену можно и не обратить внимания. Но тот, кто интересовался хронологией важнейших исторических событий древнего Рима, тот знает, что эпоху правления Помпея и династию Флавиев разделяют почти полтора века. Но тогда естественно встаёт вопрос: Неужели Пушкин случайно перепутал эпохи правления Помпея и Флавия?

— И каков ответ у этой загадки?

— Нет, Пушкин не мог перепутать эти две эпохи. Значит, его интересовало то, что их объединяло?

— Верно. Так что же их объединяло?

— И Помпей и Флавий в разное время делали одно и то же дело — жестоко подавляли восстания в одной из провинций Римской империи — Иудее, обращали евреев в рабство и рассеивали их по территории будущей Европы.

— Не так явно, но нечто подобное в моём воображении витало.

— И вот теперь — в середине XX века, после второй мировой войны евреев Европы собрали в Палестине, потеснили живших там арабов, и впервые в истории, опираясь на библейскую мифологию, создали новое государство — Израиль.

— А почему Израиль, а не Иудея? Ведь известно, что Израиль как государство просуществовал всего сто лет, а Иудея — тысячу.

— Это загадка истории XX века. Может и новому Израилю отпущено столько же, сколько и древнему — если не меньше.

— А собрали в одном месте — для чего?

— Сделать из этой религиозной общности — нацию, народ.

— Если Германию победила Россия, то почему немцы платят контрибуцию государству, которого до войны даже не было?

— Официально считается, что платят не государству, а евреям потому, что во время второй мировой войны фюрер немцев «решал еврейский вопрос», т.е. уничтожал евреев Европы и России. К тому же Израиль поддерживают Соединённые Штаты, которые после второй мировой разжирели на крови победителей и побеждённых, а их военные базы разбросаны по всему миру. Все под них легли — французы, немцы, англичане и даже японцы. Только Россия не сдаётся — стоит на своём.

— А есть на чём стоять?

— После второй мировой войны не было, — сейчас есть. Если Вы имели в виду третью мировую войну, то она уже идёт — это война информационная.

— А что это за война такая?

— Да о ней у вас в «Домике в Коломне» — очень образно: «Друг на друга словесники идут, друг друга режут, и друг друга губят и хором о своих победах трубят». Вот Запад и трубит на весь мир по поводу победы в этой войне, но у них будет сильное разочарование, когда они узнают, что Россия эту войну ещё и не начинала.

— Известно, что все генералы всегда готовятся к прошлым войнам. А сейчас как?

— Пока без изменений, хотя на этот раз можно сказать, что Россия готова к новой войне, совсем не похожей на все прошлые.

— Так кого Запад собирается двинуть на Россию?

— Украину.

— А разве есть такая страна?

— После развала Советского Союза украинская «элита», всегда мечтавшая о «незалежности», пыталась создать свою

государственность. Сейчас у них свой Мазепа по фамилии Вальцман, кстати, очень похож на Мазепу времён войны со шведами и родом из тех же мест, куда Мазепа бежал вместе с Карлом после Полтавской битвы. Ваша «Полтава» — великолепная иллюстрация к сегодняшней ситуации. Швеция в те времена имела самую сильную армию в Европе; сегодня в её роли выступают США, хотя они действуют хитрее и сами напрямую не лезут — разгром Германии был не только уроком для немцев, но и для американцев, которые в конце войны выступили на стороне России. И наша победа в 1945 году была не только поражением Германии, но в каком-то смысле и поражением правящих кругов США. И вот сегодня, 70 лет спустя после нашей великой победы, американцы пытаются отыграться за это поражение.

— Каким образом?

— Четверть века они внушали украинцам, что русские люди — их злейшие враги, а русский язык не может быть языком государственным Украины. Когда русским, живущим на юго-востоке Украины, всё это надоело, они объявили о своей независимости от Киева, после чего Киев послал свои войска усмирять недовольных его политикой.

— Да, такое в наши времена трудно было даже представить. Тогда Россия простиралась от Аляски до границ Польши и Финляндии. А как сегодня идут дела на востоке?

— Революция в России, чтобы о ней не говорили в мире, помогла народам Китая и Индии обрести независимость в середине XX века. Ведь ещё в ваши времена «элита» России тяготела к Западу, да и Запад постоянно напоминал миру, что Россия — его часть. Но при этом Запад на протяжении более чем 1000 лет регулярно нападал на эту часть: немецкие псы-рыцари, поляки, шведы, потом французы. Они ещё при Вас разбирались с англичанами — кто из них имеет больше прав на владение миром и, как Вы помните, в своих разборках пришли освободить Россию. Потом французы вместе со своими «врагами» пытались даже отобрать у нас Крым. Что думали об этом народы России, никого не интересовало. Но именно народы России дружно давали отпор всякому нашествию с Запада. Одни. Восток был нам не помощник; он сам был раздавлен Западом. А когда Запад уходил из Китая и Индии, он бросил им «яблоко раздора» — небольшую территорию в районе Тибета. И с тех пор Китай и Индия косо смотрят друг на друга, что даёт возможность Западу стравить их меж собой в любое время. И вот только совсем недавно, в день 70-тилетия Победы в самой страшной войне XX века, военные контингенты Китая и Индии вместе с нашими войсками прошли по Красной площади Москвы на параде Победы. Это для Запада означало одно — отныне в случае агрессии Запада, впервые в истории возможен союз России и Востока. В то же время этот парад — зримое доказательство того, что Россия сама по себе — самодостаточная цивилизация,

такая же как Восток и Запад. И у неё в истории есть своя миссия — миссия объединения Востока и Запада в единую земную цивилизацию. Этот процесс объединения возможен на основе таких идей, которые будут привлекательны и для народов России, и для народов Востока, и для народов Запада.

— Ну, наверное, у Запада такие идеи есть?

— Нет, Запад не заинтересован в объединении человечества в единую цивилизацию. Запад хочет править миром, а идея правления с их точки зрения проста: разделяй и властвуй! Выразителем её в конце XIX века считается английский поэт Киплинг: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд».

— А у русских такая идея есть?

— Есть. Она проста и будет понята всеми жителями планеты.

— И как эта идея сегодня выглядит?

— Люди, становитесь человеками!

— Это уж слишком просто.

— Так я и говорил, что она должна быть очень проста. Она вытекает из народной мудрости русских. Ваш друг Владимир Иванович Даль, записал её в своём замечательном труде — «Толковом словаре живого великорусского языка». Вот она: «Все люди, да не все человеки». То есть мудрость русского народа указала путь к единению всех людей Земли: «Люди становитесь человеками!» Но проблема в атеизме человечества, к сожалению неосознаваемом.

— Что это значит? Меня за мой атеизм Александр отправил в ссылку в Михайловское под надзор местного попа и моего отца.

— Да какой же Вы атеист, Александр Сергеевич. Мы изучали ваши беседы с настоятелем Святогорского монастыря — Ионой и попом Шкодой из Вороничей. Из их содержания следует, что Вы человек, верящий Богу, а они всего лишь — в бога верили.

— Да, хорошо помню этих спорщиков. Иона был попроще, истово исполнял поручение надзора, а вот Ларион из Вороничей, видимо не зря получил прозвище «Шкода». Ему палец в рот не клади. Выпить был горазд. Иногда такое после стаканчика рому завернёт, что даже я воспринимал как ересь. А вы-то откуда прознали про эти споры?

— От Акулины, дочки Лариона.

— Так она малая была, лет шести может быть. Что она могла понять в наших спорах, когда мы и сами-то друг друга не всегда понимали?

— А она дожила до 1927 года и отошла в мир иной 108-и лет. Отец ей рассказывал о ваших беседах, когда она уже была в зрелом возрасте, вот её-то — очень живые воспоминания — и дали нам пищу для размышлений о характере вашего атеизма, после чего стали понятны и ваши разногласия с церковной иерархией.

Эти разногласия нашли своё отражение в «Пророке», написанном в доме вашего дяди Василия Львовича после той знаменательной встречи с Николаем Павловичем 8 сентября 1826 года. Хотелось бы знать, кто или что вас подтолкнуло на написание «Пророка»?

— Наша беседа с императором и подтолкнула. Он всё пытался от меня получить ответ на вопрос: «Зачем? Для чего я написал Гавриилиаду?». Поскольку его брат сослал меня в Михайловское за атеизм, то ему надо было объяснить, что атеизмом страдает наша церковная иерархия. Пришлось даже прибегнуть к греческому понятию — антропоморфизм: придание нечеловеческим сущностям человеческие свойства. Этим антропоморфизмом были поражены древние греки, и потому их боги в мифах живут почти человеческой жизнью и подвержены тем же страстям, что и люди на земле. А как рассуждает вся церковная иерархия? Да так же, как древние греки. Они глядят на императора, видят его министров, помощников и наивно полагают, что там — в царстве Божием, всё устроено точно также. Вот я и пытался объяснить императору, что в «Гавриилиаде» всего лишь высмеял антропоморфизм церковной иерархии, а кроме того, указал на превратность Библии словами «с рассказом Моисея не соглашу рассказа своего…», а она меня за это обвинила в атеизме и требовала моего наказания.

— А император-то вас понял?

— Мне показалось, что первое понял, а жизненности второго не понял и счёл безответственным хулиганством, которое свойственно почти всем в подростковом возрасте, когда люди ищут себя и нарушают нормы мира по-настоящему взрослых. А я после беседы почувствовал, что до обсуждения второго наше общество ещё не доросло. А в отношении первого он попросил написать для этой публики что-то такое, что могло бы убедить членов Синода в моей безгрешности и непричастности к атеизму. Но, как можно было видеть по его глазам, он был шокирован моим рассказом и даже не раз собирался прервать меня, но что-то его сдерживало.

— Наверное, желание узнать то, что он ни от кого узнать не сможет.

— Возможно, но он не хотел, чтобы об этом знал ещё кто-то, кроме нас двоих, потому и просил меня в случае вызова в Синод, ничего такого, что он услышал сам, членам Синода не рассказывать. А как ныне — в новые времена обстоят дела с религией в России?

— Так же, как описано у вас в «Домике в Коломне». Сначала роль кухарки выполняла Фёкла, потом её заменили Маврой.

— А причём здесь Фёкла с Маврой?

— Фёкла была сподвижницей апостола Павла, который извратил учение Иисуса, а Маркс (кстати, ваш современник) в молодости свои письма подписывал именем Мавр. Понятно, что разница между учением Христа и исторически сложившимся

христианством — огромна, о чём говорит хотя бы тот факт, что в Никейском символе веры нет ни одного слова Христа. Мы такое христианство называем сегодня идеалистическим атеизмом.

— А в чём его суть?

— Идеалистические атеисты, говорят, что Бог есть, но подменяют веру Ему верой в Него и, таким образом, отгораживаются от Бога с помощью служителей церковного культа и всякой ритуальщиной. А материалистические атеисты утверждают, что Бога нет, а есть законы природы, которые они же и боготворят. То есть, по сути боготворят природу — Божье творение. Изучая «Домик в Коломне» мы пришли к выводу, что Вы каким-то образом предвидели и в художественной форме выразили, что на смену идеалистическому атеизму (или павлианству в нашем понимании), в Россию придёт учение Маркса — марксизм, точнее — материалистический атеизм.

— Ну, нет, я этого никак не мог знать.

— Тогда зачем в «Домике в Коломне» вот это: «Ах, если бы меня под лёгкой маской никто в толпе забавной не узнал». Кто для вас был «толпой забавной»?

— Ах, Вы об этом? Ну, разумеется мои первые читатели, — ближайшее окружение.

— А что Вы хотели от них скрыть?

— Да они вообще не могли понять, о чём я пишу в этой поэме. Потому и хотел издать её анонимно.

— Знаем, что Александр I сослал вас в Михайловское под надзор местного попа за атеизм. А за какой атеизм, — материалистический или идеалистический? Императору и его чиновникам это было тогда неизвестно. Вы первый в «Домике в Коломне», используя определённый набор символов, показали идеалистический атеизм павлианства, представив кухарку Фёклу, как «добрую старуху давно лишённую чутья и слуха». Потом после вас открыто писал об этом — граф Лев Николаевич Толстой. За это его даже отлучили от церкви. Да и у Вас после «Гавриилиады» были проблемы с Синодом, который вызывал Вас в Кронштадт осенью 1828 года на допрос.

— Вы и об этом знаете?

— И не только об этом. Мы нашли письмо — ответ Николая Павловича Синоду на его домогательства в отношении вашего авторства «Гавриилиады». Император ведь просил вас ничего не говорить Синоду о содержании вашего разговора с ним?

— Было дело. Уговор такой был — не только членам Синода — никому. И он, и я слово держали. Только после дуэли в своём прощальном письме император одной фразой дал мне понять, что помнит о нашей 4-х часовой беседе 8 сентября 1826 года в Николаевском дворце.

— «Об одном тебя прошу: умри христианином» — эта фраза?

— Да!? А как Вы догадались?

— Ну, это-то в наши времена материалистического атеизма как раз было не сложно. Ну, кем мог уйти в мир иной русский дворянин в православной державе? Мусульманином? Иудеем? Буддистом? То есть методом исключения. После этого удалось восстановить и содержание вашей беседы с императором.

— Как это можно?

— Достоверно известен лишь ответ императора на вопрос статс-секретаря графа Блудова по поводу этой беседы: «Я беседовал сегодня с умнейшим мужем России».

— И что это даёт?

— Если пользоваться диалектикой — искусством постижения истины путём постановки наводящих вопросов, то многое. Самое трудное в этом искусстве — сформулировать вопрос адекватный ситуации.

— И какой вопрос вы бы задали?

— Что такого необычного мог рассказать 27-милетний Пушкин 30-тилетнему императору, после чего тот в присутствии всего двора дал столь высокую оценку ссыльному поэту? — это на выходе.

— А на входе?

— Что читал, что изучал Пушкин в Михайловском до встречи с императором в Москве?

— Известно что — историю становления и гибели династии Птолемеев в древнем Египте. Но что это вам даёт?

— В этой многовековой истории династии есть вложенная в неё короткая, но очень значимая другая история — история взаимоотношений Птолемея II — Филадельфа и поэта александрийской эпохи — Каллимаха. К моменту гибели отца — Птолемея I Сотера, сыну исполнилось 30 лет, который после смерти отца уже обладал всей полнотой власти. И тут встаёт вопрос: почему Птолемей Филадельф прогнал из Александрии своего воспитателя — Деметрия Фалерского, а на его место пригласил учителя Ликея из Элевсины — предместья Александрии — Каллимаха? Известно, что Деметрий Фалерский начал собирать рукописи для знаменитой Александрийской библиотеки, к тому же при нём было положено начало перевода иудейской Торы на греческий — Пятикнижия Моисеева. Чем же Деметрий провинился перед младшим Птолемеем? Или иначе: почему он предпочёл ему Каллимаха? И что могло заинтересовать Пушкина в этой загадочной истории? Неужели то, что поэту Каллимаху и царю Филадельфу в то время было по тридцать, а Пушкину, и только что вступившему на престол Российской империи — Николаю 27 и 30 соответственно? Или что-то ещё?

— Конечно что-то ещё.

— Так что же?

— То, что связывает «Гавриилиаду» и «Пророка» с поэзией Каллимаха.

— Неужели гимн Каллимаха «На омовение Паллады»? И Вы на гимн поэта александрийской эпохи откликнулись этими словами: «Какие хитрость, злоба, слово, глубина! Как мощен даже крах твоих затей! И вечно-ново купанье Девы! — Каллимах!»

— Ну, это просто неудачное подражание Каллимаху, проба пера, при мне нигде не публиковалось. Где вы это нашли?

— В Швейцарии, у биографа вашего секунданта Данзаса — Анатолия Ливри.

— Возможно, возможно, — в глубокой задумчивости произнёс Пушкин. Может вы помните, что в этом гимне Афина утешает свою подругу — мать Тиресия, которого она по приговору Зевса сделала слепым: «Я пророком его сотворю, досточтимым в потомках, и без сравненья других он превысит собой».

Седой какое-то время молча смотрел на гостя, а в его голове теснились мысли-вопросы.

— Так вот откуда в Гавриилиаде: «Не нужен мне пророка важный чин»? То есть Тиресий потерял дар видения, но взамен получил дар предвидения. Я конечно не Тиресий, но когда в 14 лет пытался на уроке литературы читать вслух «Пророка», неожиданно потерял дар речи. И шок, который я тогда испытал, был сродни шоку Тиресия. Дар речи вернулся, но осталась «Загадка пророка», которая вот уже более полувека не даёт мне покоя.

Гость словно услышал эти мысли Седого и прервал их вопросом.

— И что вас так беспокоит в «Пророке»?

— Ну, посудите сами: стихи знаю, преподаватель меня поднимает и просит читать «Пророка», а я и слова вымолвить не могу. Каково? Если бы поставил двойку, то я бы об этом эпизоде может и забыл. Но он пригласил в преподавательскую комнату и дал понять, что за десять лет преподавания впервые встречается с тем, кто не может читать вслух «Пророка». А я при этом вспоминаю, что задавая учить Ваши стихи, он впервые их сам не читал. А чтец, скажу я Вам, он был отменный, читал особенно ваши стихи, великолепно. Так я понял, что я не один по каким-то непонятным причинам не могу читать вслух «Пророка». Про себя — пожалуйста.

— А сейчас можете?

— Могу, потому что нашёл слова, которые сковали тогда мой язык.

— И что это за слова, интересно? Можете их произнести вслух сейчас?

— Могу. Бог обращается к пророку: Исполнись волею моей!

— И что в них такого опасного, по-вашему?

— В 14 лет, я не мог знать того, что знаю сегодня. Однако полагаю, что в тот сентябрьский вечер 1826 года Вы это знали. Из всех видов на Земле Бог дал свободу выбора и возможность обрести свободу воли только одному виду — Homo sapiens. Вы же

понимаете, что свобода выбора без свободы воли — ничто. Дав однажды такую возможность человеку, Он уже отобрать её никак не мог. И Вы закончили «Пророка» этими словами затем, чтобы в будущем, когда все народы России станут грамотными и будут читать вашего «Пророка», кто-то споткнётся на этих словах — не сможет их произнести, и задумается «В чём дело?». Получается, что Вы и просьбу императора выполнили, и от своих взглядов на религию не отступили?

— Сказать, что особенно задумывался над этим? — пожалуй, нет. Помнится, что у постели на тумбочке лежала Библия — на французском. Открыл и случайно оказалось — на 6-й главе пророка Исайи. Прочитал раз, другой и вот — «Пророк» получился.

— По поводу «Пророка» было много споров у наших словесников.

— Что они там не поделили?

— Споры велись вокруг даты написания: одни полагали, что Вы заранее, ещё будучи в ссылке, готовясь к встрече с императором написали эти стихи, чтобы бросить их в лицо молодому «сатрапу», только что взошедшему на трон. Другие, что стихи написаны после встречи с императором.

— А чего тут гадать? Я же в конце поставил дату и даже время, как делал это обычно.

— Так факсимиле «Пророка» не было найдено в Ваших бумагах.

— А кто разбирал мои бумаги после меня?

— Император получил разбор Вашего архива Василию Андреевичу Жуковскому.

— Ну да, конечно. Он же выполнял при Николае Павловиче ту же роль, которую выполнял Деметрий Фалерский при Птолемее Сотере — роль воспитателя его сыновей — Александра и Михаила.

— Александр Сергеевич, а история сближения поэта Каллимаха и Птолемея Филадельфа не напоминала Вам ситуацию перед вашей встречей с 30-тилетним императором России?

— Может и напоминала, но что из этого следует? Николай Павлович мне ничего не предлагал при встрече, а я у него ничего и не просил. О чём я тогда думал — вопрос открытый. О содержании нашей беседы знаем только мы с ним и Бог. А кстати, ответ императора Синоду сохранился?

— Да, и мы его нашли.

— И что там, не помните?

— Хорошо помню, так как там было всего две фразы: «Я знаю автора Гавриилиады. Оставьте Пушкина в покое».

— Вот как! Мне ведь тогда члены Синода ответ императора не показали. А ответ-то получается двусмысленный: один — «Я знаю, что автор Гавриилиады Пушкин, но он под моим покровительством. Оставьте его в покое»; другой — «Я знаю автора Гавриилиады — это не Пушкин. Оставьте Пушкина в покое». Ну а члены Синода не имели права спрашивать разъяснений у

императора. Теперь понятно, почему он просил меня ничего не отвечать в случае вызова на заседание Синода, а потребовать бумагу, конверт и написать ему, где бы он ни был. И при этом добавил: «Я знаю, что делать».

— Значит, второй вопрос был об авторстве Гавриилиады? А первый?

— С кем бы Вы были, окажись 14 декабря 1825 года в Петербурге? И каков, по-вашему, был мой ответ?

— С ними… Но затем, чтобы их остановить. Император удивился: «Пушкин, твои стихи нашли почти у всех заговорщиков». А Вы ему напомнили про стихи «К Андре Шенье» и по его реакции поняли, что инцидент исчерпан.

— Да, я вынужден был напомнить про стихи «К Андре Шенье», потому что не был уверен, что Василий Андреевич передал моё майское письмо 1826 года императору, в котором я изложил свои взгляды на события декабря 1825 года. А куда могла деться рукопись «Пророка» с датой?

— Это мог знать только Василий Андреевич Жуковский. Мы полагаем, что есть ещё много ваших записей, которые пока неизвестны миру.

— И кому это нужно?

— Ну, Вы же знаете, какие баталии шли в Ваше время меж либералами и патриотами? Накал страстей не угас, а градус их даже повысился. И каждое направление пыталось и до сих пор пытается использовать Ваше творческое наследие в своих политических целях.

Седой не сводил взгляда со своего гостя, и чем больше смотрел, тем больше начинал убеждать себя — перед ним Пушкин.

— Но если он здесь и пришёл оттуда, откуда ещё никто никогда не возвращался, то ведь не для того, чтобы съесть яичницу и выпить чашку плохого кофе? Что-то же он должен сказать нам, его потомкам, чтобы мы могли разрешить проблемы нашего времени? — размышлял Седой. И гость будто услышал его.

— Ну что ж, молодой человек, не знаю как Вы тут живёте с новыми вещами в новом мире, но вижу, что в его постижении Вы преуспели в сравнении с нашим поколением, особенно это касается понимания атеизма. Понял, что эта проблема даже обострилась. У меня были мысли на этот счёт, но так ясно как Вы здесь изложили, — не получалось. И теперь это — ваше всё. Становитесь сами человеками и двигайте мир к человечности. Ну что ж, я спокоен за Россию. О правителях — не тревожьтесь, до них всё это дойдёт в последнюю очередь.

Седой посмотрел на круглые электрические часы на стене за стойкой буфета и отметил про себя, что уже около шести часов вечера.

— Так мы что, беседуем почти два часа? А это заведение закрывается в 18.00.

Тут как раз и появилась официантка.

— Мальчики, я через 10 минут закрываюсь.

Она подошла к их столику, собрала пустые тарелки, приборы и скрылась за стойкой буфета.

— Александр Сергеевич, может нам прогуляться? Пройдёмся по набережной Мойки, выйдем на Дворцовую и продолжим разговор?

— Почему бы и нет. Любопытно посмотреть на Петербург начала XXI века. А что это за незнакомый запах, который ударил мне в нос как только я вышел во двор моего дома?

— А чем пахло на улицах и во дворах Петербурга в Ваши времена?

— Навозом. А этот запах — совершенно новый, не привычный.

— Этот незнакомый запах — запах выхлопных газов автомобилей. Пока в городах их было немного, мы этот запах почти не замечали, как и Вы, наверное, не замечали запаха навоза.

— Так это и есть запах XXI века?

— Пожалуй, в остальном изменилось не многое. Главное, вместо лошадей, карет ныне — сплошь автомобили. Они — настоящий бич современного города. От выхлопных газов дышать стало нечем.

Поблагодарив официантку, они вышли во двор мощёный булыжником и направились влево — прямо к парадным воротам. Была середина июня — самый разгар белых ночей. Солнце ещё светило довольно ярко. Последние редкие посетители, а за ними и служащие музея, покидали уютный дворик особняка Волконских. Сквозь мягкие подошвы летних ботинок остро чувствовалась булыжная мостовая. Седой посмотрел на чёрные штиблеты своего спутника и подумал о том, что в его времена асфальта не было, и все мостовые были такими, а может и ещё более чувствительными для пешеходов.

— Вася, а ты что это сегодня решил пойти в город не переодеваясь?

Седой обернулся и встретился взглядом с незнакомым человеком.

— Наверное, служитель музея, а Вася видимо и есть местный аниматор. Он ждал реакции своего спутника, который неожиданно резко повернулся на голос, остановился, на секунду задумался, сунул руку в правый карман сюртука, достал оттуда довольно большой бронзовый ключ, покрытый зеленоватой патиной и задумчиво, ни к кому не обращаясь, тихо произнёс:

— А мне, пожалуй, действительно надо переодеться согласно эпохе, в которой я каким-то странным образом оказался.

Он уверенно вставил ключ в замочную скважину, дважды повернул его и тяжёлая дубовая дверь, медленно, как бы сама собой, приоткрылась, после чего Пушкин повернулся к Седому и почему-то заговорщически проговорил:

— Извините, я сейчас, одну минуту…

И скрылся за дверью. Седой некоторое время стоял в полной растерянности от такого финала. Потом нерешительно потянул парадную дверь на себя, но она оказалась закрыта.

— Вы напрасно сюда ломитесь, эта дверь всегда закрыта, — обратился к нему тот самый служащий, который минуту назад окликнул его спутника.

— А как же Вася? — Он ведь только что открыл эту дверь и пошёл переодеваться.

— Вася? Аниматор что ли? Так он свою бутафорию в гардеробе цокольного этажа держит. Сегодня посетителей было немного, и он ушёл ещё часа два назад. Он знает, что парадная всегда закрыта и ходит, как все, через чёрный ход. А Вы кто ему будете?

— Я-то? Да просто знакомый, договаривались вместе поужинать после работы.

— Вы остаётесь или идёте? Мне надо парадные ворота закрыть.

— Да, да, конечно иду.

Седой быстрым шагом вышел через ворота на набережную Мойки. У мощных гранитных плит набережной стояли плотно припаркованные автомобили, куда-то спешили редкие прохожие. Пушкина среди них не было…

Внутренний предиктор СССР
10 июля 2015 года.